

Проблема идеала в философии

(Статья вторая)

«Вопросы философии», 2 (1963), с. 132-144

Проблема идеала в начале XIX века была поставлена философской мыслью, как мы видели, уже достаточно остро. Она даже казалась решенной. Но едва только глухие подземные толчки новой надвигающейся революции начали опять сотрясать готические своды европейских монархий, как и в стенах философско-теоретических конструкций, воздвигнутых, казалось, с учетом прежнего опыта, вновь обнаружились трещины, зазияли дыры новых проблем. Сквозь эти трещины в аудитории и коридоры государственных университетов – хранилищ официально признанной и узаконенной мудрости – стал все чаще врываться свежий ветер улицы, вплетая в монотонную речь профессоров отголоски яростных партийных споров, отзвуки полузабытых мелодий и настроений революции 1789 года, ее героически-оптимистических лозунгов, надежд и идеалов. Каждый, кому нечем стало дышать в душной атмосфере христианско-бюрократической «нравственности», в спертom воздухе прусских или российских казарм и канцелярий, с жадностью вдыхал этот ветер. Каждый, в ком еще не умерла жажда деятельности, остро чувствовал необходимость радикальных перемен, ждал спасительной грозы, зарницы которой уже попыхивали на горизонтах...

Ворвался свежий ветер и в тихие апартаменты гегелевского Разума, напомнив людям, что, кроме мозга – храма Понятия, – они обладают и легкими, которые не может наполнить разреженный воздух спекулятивных высот, и сердцем, способным биться и питать мозг горячей кровью, и руками, которые в состоянии еще многое сделать. «Человек в настоящее время должен поставить себе поэтому другой идеал. Наш идеал – не кастрированное, лишненное телесности, отвлеченное существо. Наш идеал – это цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек...», – провозглашал Людвиг Фейербах, выражая подобные настроения. Человек вместо бога, абсолюта, понятия – вот принцип философии будущего, принцип грядущего переворота и в сфере политики, и в сфере нравственности, и в сфере логики, и в сфере искусства! «Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами, – вспоминал много лет спустя Фридрих Энгельс. – С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него, несмотря на все критические оговорки, – можно представить себе, прочитав «Святое семейство».

Мысль Фейербаха была проста. Не господь бог, не Абсолютное Понятие, не Государство и не Церковь создают Человека (как кажется религиозно-философскому сознанию), а человек создал силою своего мозга и своих рук и богов (земных и небесных) и религиозно-бюрократическую иерархию, и соподчинение понятий и идей так же, как хлеб и статуи, как фабрики и университетские здания. Этот факт нужно признать [132] прямо и отчетливо и сделать из него все надлежащие выводы. А именно: не надо создавать себе кумиров и идолов из своих собственных творений. Надо верно осознать действительное отношение

человека к окружающему его миру. И тогда, правильно поняв действительность, мы придем к истинному идеалу.

Но какова же эта действительность? Является ли ею то, что нам приходится видеть непосредственно вокруг себя? Ведь в жизни люди как раз поклоняются всевозможным идолам и не только поклоняются, но и рабски служат им, принося в жертву этим идолам и счастье и даже жизнь – собственную и своих близких. Один молится и служит золоту, другой – мантии монарха или мундиру бюрократа, третий – Абсолютному Понятию, четвертый – ветхозаветному Ягве или Аллаху, пятый – просто куску бревна, разукрашенному перьями и ракушками. Получается, что человек сначала создает Государство или Понятие, а затем почему-то начинает поклоняться ему как всемогущему богу, как вне человека существующему и чуждому, даже враждебному ему существу. Это явление приобрело в философии наименование «отчуждения». Считаясь с ним, Фейербах решил, что «существующее» (в противоположность «идеалу», «должному») есть продукт глупости человеческой, продукт философской необразованности. Стоит развеять иллюзии подобного рода, и «существующее» разлетится, как дым. Человек почувствует себя гордым царем природы, хозяином земли и перестанет поклоняться выдуманному идолам. Поэтому хватит философам разрабатывать детали и тонкости теоретических систем, нужно перейти к пропаганде ясного, уже открытого философией понимания «действительной сущности человека» и к остропоследовательной критике «существующего». Надо мерить «существующее» мерой «сущности человека», показывая неразумие «существующего».

Иными словами, Фейербах в основном повторял то, что говорили и французские материалисты XVIII века. С этого же начал и молодой Маркс. Ему тоже некоторое время казалось, будто философия уже сделала все, создала внутри себя полную картину «действительности» в противоположность «существующему», и противоречие того и другого выступает в мире как противоположность Разума философии Неразумию эмпирической действительности. Философии остается лишь «выйти из царства теней» и «обратиться против вне ее сущей действительности», чтобы привести эту действительность к согласию с тем планом, который вызрел в умах философов. Надо «превратить философию в действительность», а «действительность сделать философской». В этом великом акте «обмирщения философии» молодой Маркс и усматривал вначале суть и смысл предстоящей революции. Теория должна овладеть сознанием масс и превратиться таким образом в моральную, а затем и в «материальную» силу, могущую сокрушить «неразумную», «нефилософскую» действительность.

Но не происходил ли тем самым простой возврат к кантовской концепции, уже разгромленной аргументами Гегеля? Нет. Здесь был ряд принципиально новых моментов, учитывавших разящие гегелевские возражения. Маркс в соответствии с Гегелем более широко понимал «нравственность». К ней, как мы видели в первой статье, относились не только и даже не столько явления личной психики индивида, сколько вся совокупность условий, действительно определяющих способы отношений человека к человеку, в том числе и политически-правовую организацию общества (то есть государство) и даже организацию хозяйственной (экономической) жизни людей – структуру «гражданского общества». Поэтому молодому Марксу разлад «сущности человека» с «существованием» отдельных людей уже с самого начала не представлялся лишь расхождением (несовпадением) абстрактно-общего понятия с пестротой чувственно-данного многообразия. Речь могла идти только о разладе [133] *внутри* действительности, *внутри* чувственно-данного многообразия, хотя эта действительность и толковалась как продукт «мышления» (правда, не отдельных людей, а всех предшествующих поколений в целом,

«опредметивших» в виде существующих порядков свои представления о самих себе и о мире). Под «сущностью человека» понималась общечеловеческая культура во всем конкретном разнообразии ее форм. Следовательно, противоречие между «сущностью человека» (выраженной философией) и «существованием» осознавалось молодым Марксом не как противоречие между понятием о «человеке вообще» и фактическим положением дел, а как противоречие самой действительности, противоречие между общечеловеческой культурой и ее выражением в отдельных людях.

Что все богатство духовной и материальной культуры есть создание самого же человека и в этом смысле его (а не бога или «понятия») достояние и «собственность» – это было ясно и могло рассматриваться как установленный философией очевидный факт. Но отсюда следовало, что для Человека с большой буквы (то есть для человечества) никакой проблемы «отчуждения и обратного присвоения» попросту никогда не существовало. Реально человечество свое богатство никакому сверхприродному существу не отдавало по той причине, что такого существа в мире не было и нет. Если же люди и полагали, что подлинным творцом и хозяином человеческой культуры является не Человек, а кто-то другой, то это был только факт воображения, который устранялся простым переворотом в сознании, чисто теоретическим актом.

По-иному, однако, вставал вопрос в отношении человека с маленькой буквы, то есть каждого отдельного человеческого индивидуума. Этот индивидуум владеет лишь микроскопически малой долей общественно-человеческой культуры, реализует в себе лишь жалкую кроху собственной «сущности». И когда полная мера «сущности человека» прикладывается к любому отдельному индивидууму, то оказывается, что он предельно нищ, сир и наг. При этом каждый нищ по-своему: один – в отношении денег, другой – в отношении знаний, третий – в отношении физической силы и здоровья, четвертый – в отношении политических прав и т.д., и т.п.

Так отвлеченно-философская проблема разлада «сущности» и «существования» человека при ближайшем рассмотрении оборачивалась проблемой разделения духовного и материального богатства между отдельными людьми, а еще далее – проблемой разделения *деятельности* между ними и, наконец, проблемой разделения собственности внутри общества. «...Разделение труда и частная собственность, – писал К. Маркс, – это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности»¹. Но коль скоро проблема разлада Человека и человека была понята именно так, для ее решения необходимо было сбросить с плеч тяжкий груз идеалистических предрассудков, сделать крутой поворот к материализму в понимании человеческой деятельности, то есть в понимании истории общества. С другой стороны, решение этой проблемы требовало также отказа от понимания частной собственности как единственно естественной, единственно разумной и само собой разумеющейся формы личностного присвоения духовных и материальных богатств, формы приобщения человека к общечеловеческой культуре. Короче, дальнейшее развитие научной мысли было уже невозможно без перехода на позиции материализма в философии и на позиции коммунизма в социальной сфере.

В начале своей теоретической биографии Маркс отвергал и материализм и коммунизм. Принял он их лишь тогда, когда убедился, что только на этой основе и можно разрешить острейшие и диалектически [134] запутанные проблемы современности – как теоретические, так и практически-политические.

Путь развития Маркса к коммунизму не имеет ничего общего с той легендой, которую позднее распустили про него неокантианцы и которая гуляет по свету по сей день. Согласно этой легенде, Маркс уже в ранней молодости, то есть до всякого самостоятельного теоретического разбора действительности, принял близко к сердцу красивую, но – увы – утопически неосуществимую мечту о всеобщем счастье для всех людей и потом уже стал рассматривать мир «теоретически» сквозь розовую призму априорно принятого идеала, стараясь подыскать силы и средства, пригодные для его осуществления. А поскольку «за чем пойдешь, то и найдешь», он и обратил внимание на пролетариат, возложив на него надежду как на силу, способную очароваться той же иллюзией, тем же априорным, но неосуществимым идеалом. Маркс сделался коммунистом якобы только потому, что идеалы утопистов, распространявшиеся в среде английского и французского пролетариата, лучше всех других согласовывались с его личными идеалами.

Однако действительная история превращения Маркса из революционного демократа в коммуниста, из идеолога радикальной буржуазии – в теоретика пролетарского движения, из идеалиста-гегельянца – в материалиста выглядела совсем не так. Маркс никогда не шел к рассмотрению действительности от априорно принятого идеала. Он сперва исследовал реальные жизненные противоречия, стараясь рассмотреть, как сама действительность пытается разрешить своим движением эти противоречия. Иначе говоря, Маркс прежде всего стремился увидеть, какие же «идеалы» вызревают в развитии самой жизни, какие из существующих «идеалов» правильно выражают потребности общественно-человеческого прогресса, а какие принадлежат к числу неосуществимых утопий потому, что никаким реальным потребностям не соответствуют. И хотя он понимал «действительность» по-гегелевски, то есть думал, будто подлинные общечеловеческие потребности вызревают в сфере мышления, в сфере духовно-теоретической культуры человечества, в общем точка зрения Маркса даже тогда не имела ничего общего с тем, что пытаются ныне выдумывать неокантианцы.

Утопические идеи Маркс заметил очень рано и отнесся к ним критически. «*Rheinische Zeitung*», которая не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным, – «*Rheinische Zeitung*» подвергнет эти идеи основательной критике», – заявил он от имени редакции «Рейнской газеты»². Однако прежде чем это произошло, в сознании Маркса потерпели крушение те самые критерии и принципы, на основании которых он собирался вершить суд над коммунистическими идеалами и идеями. Оказалось, что эти идеи вообще неподсудны законам, изданным от имени Мирового Духа, ибо имеют свое оправдание в упрямых фактах. Оказалось, что «мировой дух» сам подлежит критическому суду по законам Действительности и должен быть обвинен в нежелании считаться с ними, а Коммунизм таким судом оправдывается, несмотря на всю его юношескую незрелость, на всю его логически-теоретическую наивность... Именно коммунистические идеи, распространявшиеся в то время в рабочей среде, обострили внимание молодого Маркса к проблеме роли «материальных интересов» в развертывании исторического процесса. Они требовали внимания к себе уже потому, что рабочий класс в назревающих событиях обещал выступить в качестве одного из самых многочисленных и боеспособных отрядов революционно-демократической армии, и революционный демократ опасался, что этот отряд «наломает дров», если попытается осуществить в ходе переворота свои [135] «утопические мечтания» об обобществлении собственности, что он разрушит своими действиями единство сил прогресса и тем самым лишь сыграет на руку реакции.

Коммунизм выдвигал проблему «собственности», проблему разделения благ цивилизации между индивидами на первый план, а программу политических и правовых преобразований рассматривал лишь как средство переворота в отношениях собственности, как вопрос побочный и производный. С теоретической совестью идеалиста-гегельянца, даже самого «левого», такое истолкование увязано быть не могло, ибо, согласно гегелевскому пониманию, сфера экономических отношений строится (и должна строиться) применительно к интересам Духа. Коммунистические же теории эту схему выворачивали наизнанку. Здесь-то и была реальная проблема, натолкнувшись на которую, молодой Маркс почувствовал потребность поглубже и потщательнее разобраться в отношениях духовного (нравственно-теоретического) развития человечества к развитию материальных, имущественных отношений между людьми.

«Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии», – вспоминал Маркс впоследствии³. Это и был материализм в понимании исторического процесса. Именно этим путем – путем объективного, трезво научного анализа положения вещей в сфере «гражданского общества» – Маркс пришел к выводу, что в виде коммунистических «утопий» в сознании людей выразилась реальная, назревшая внутри «гражданского общества» потребность, и убедился, что имеет дело не с очередным крестовым походом секты рыцарей идеала, очарованных мечтами о «всеобщем счастье», а с реальным массовым движением, вызванным условиями развития машинной индустрии. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁴.

Идеалы утопического социализма и коммунизма были тем самым не просто отвергнуты, но критически переосмыслены и усвоены в их рациональном зерне, а потому вошли в историю как один из теоретических источников научного коммунизма.

Благодаря Гегелю молодой Маркс с самого начала обрел трезвое недоверие к любым «идеалам», не выдерживающим критики с точки зрения Логики (то есть с точки зрения «действительности», ибо логика здесь понималась как абсолютно точный ее портрет). Поэтому он сразу же приступил к анализу фактических противоречий современного ему общественного развития. Правда, противоречия эти выражались Марксом по первоначально через отвлеченно-философские категории гегелевской «Феноменологии духа» и «Сущности христианства» Фейербаха, через понятия «отчуждения» и «обратного присвоения», «сущности человека» и «сущностных сил», «опредмечивания» и «распредмечивания» и т.д., и т.п. Однако столь замысловатые термины вовсе не были (как иногда еще думают) некоей словесной игрой. В этих категориях был подытожен многовековой – притом лучший – опыт исследования проблемы, и потому реальные факты, будучи выражены через них, сразу же вставляли в общеисторический, общетеоретический контекст, поворачивались такими гранями и сторонами, которые в противном случае остались бы в тени, в тумане предрассудков, непрозрачном для простого [136] «здравого смысла». Философский подход давал Марксу возможность схватить и выделить прежде всего всеобщие, принципиально важные контуры развертывающейся через свои внутренние противоречия действительности и тем самым под верным углом зрения взглянуть на частности и детали, которые

философски невооруженному взору загораживают подлинную картину, не позволяют увидеть за деревьями лес. Без материалистически переосмысленных категорий гегелевской диалектики нельзя было превратить коммунизм из утопии в науку.

И действительно, именно философия помогла Марксу четко сформулировать то обстоятельство, что человек есть единственный «субъект» исторического процесса, а труд людей (то есть чувственно-предметная деятельность, изменяющая природу сообразно их потребностям) – единственная «субстанция» всех «модусов», всех «частных» образов человеческой культуры. В свете этого понимания стало ясно, что так называемая «сущность человека», выступающая для отдельного индивида как идеал, как мера его совершенства или несовершенства, представляет собой продукт совместной, коллективной трудовой деятельности многих поколений, но не продукт бога, Духа или природы. «Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека», что они обожествляли и с чем боролись...», – читаем мы в «Немецкой идеологии»⁵. А в «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁶.

Таким образом, философское выражение относительно разлада «сущности человека» с «существованием» отдельных людей указывало в общей форме на противоречия в сложившейся системе разделения труда между людьми, внутри «совокупности всех общественных отношений». И когда с пресловутой «сущности человека» было сорвано религиозное и спекулятивно-философское покрывало, то перед мышлением во весь рост встала проблема: проанализировать ее во всей обнажившейся наготе, совершенно независимо от каких бы то ни было иллюзий. Но тем самым и проблема идеала предстала в совершенно новом плане – в плане анализа разделения деятельности между индивидами в процессе совместного, общественно-человеческого производства их материальной и духовной жизни.

Философия, как мы видели, остро зафиксировала в своих категориях, что данная, исторически сложившаяся система разделения труда (и тем самым собственности) между людьми («сущность человека») с необходимостью превращает каждого отдельного индивидуума в профессионально ограниченное существо, в «частичного человека». В итоге каждый из людей создает своим трудом только крохотный кусочек, фрагмент человеческой культуры и владеет лишь этим кусочком. Все же остальное богатство цивилизации остается для него чем-то «чужим», чем-то вне его находящимся и противостоит ему как «чуждая» (а при известных условиях и враждебная) сила. Насчет подлинной природы этой силы, давление которой он все время ощущает, человек и создает самые причудливые представления, называя ее то «богом», то «абсолютом», то «нравственным миропорядком», то «судьбой».

Вместе с тем – и этот факт параллельно с философией установила политическая экономия – разделение труда становится все более дробным, все меньшая доля совокупного богатства культуры достается каждому отдельному человеку, все беспомощнее становится он перед коллективными силами человечества. Это означало, что стихийно [137] коллективная сила людей растет за счет деятельных сил индивида. Или, выражаясь философским языком, мера «отчуждения» человека растет вместе с ростом того мира богатства, который он сам же, своим собственным трудом производит и воспроизводит.

Гегель, осознав эту перспективу развития «гражданского общества», склонил перед ней голову, как перед необходимостью, диктуемой законами Мирового Духа, Логикой мироздания. В пользу такого вывода свидетельствовала вся предшествовавшая история культуры. И пока философия исповедовала идеалистическое понимание истории, ей нечего было возразить Гегелю. «Мировой дух» кроился по мерке реальной культуры человечества, хотя и принимал ее за свое собственное – и потому «разумное» – творение. Иначе на почве идеализма вопрос ни поставить, ни решить было нельзя.

По-иному тот же вопрос вставал на почве материализма. Здесь тезис об «отчуждении» превратился в формулу, говорившую о наличии все обостряющегося противоречия «гражданского общества» с самим собой. В ней алгебраически-обобщенно выражался тот факт, что условия, внутри которых каждый «частичный индивид» находится в состоянии перманентной «войны всех против всех», саморазорваны, разодраны на враждующие между собой и все же крепко связанные одной веревкой, одной судьбой звенья, сферы разделения труда. Такое «гражданское общество» не обладает никакими средствами противодействия сложившемуся положению, и потому напряжение противоречия между «частичным» и коллективно-человеческим характером деятельности каждого отдельного индивидуума растет беспрепятственно. Отсюда следовал вывод, что в один прекрасный день это напряжение достигнет критической точки и разразится гроыхающей молнией революции. Именно такой вывод и сделал Маркс.

То разделение труда, которое вызывает антагонистически противоречивую ситуацию, не вечно. Оно имеет свой предел и будет взорвано изнутри. Ибо тут с неумолимой силой действует совершенно независимый от «разума» и от «нравственности» механизм экономических отношений. Поэтому ни нравственные ограничения, ни самые разумные соображения, ни полицейско-бюрократические меры не могут помешать процессу саморазрушения «гражданского общества». Единственно, что может сделать в подобной ситуации «дух», – это помочь человеку, зажатому в тиски противоречия, найти наиболее безболезненный, быстрый и рациональный выход из положения – выход за пределы «естественной» для данного общества формы разделения труда (собственности). И вот как раз в пролетариате, в классе наемных рабочих, Маркс увидел людей, сильнее других зажатых в тиски «отчуждения», – тот полюс противоречия, на котором неумолимо накапливается заряд революционной энергии, а в идеях утопистов обнаружил просыпающееся «самосознание» этого класса, пусть еще наивное и логически нестрогое оформленное, но зато глубоко верное в своих основных контурах, совпадающее в главном с объективным ходом вещей. Разрешение всех коллизий оказалось единственно возможным лишь на основе коммунизма.

Однако сам коммунизм еще надо было должным образом теоретически обосновать, сделать его в полном смысле слова научным. Путь к решению этой задачи освещала опять-таки философия. В качестве своего итогового вывода она показала, что ответ на вопрос, куда и как идет развитие общественных отношений, следует искать в политической экономии. Только политико-экономический анализ мог выяснить, каковы те контуры будущего, которые абсолютно независимы ни от каких идеалов, так сказать, инвариантны по отношению к ним. Поэтому Маркс и погрузился с головой в политико-экономические исследования, временно отодвинув в сторону специально философские проблемы. Ведь в абстрактно-общем виде эти проблемы были уже ясны, а полное, [138] конкретно развернутое их решение можно было получить лишь после политико-экономического анализа и на его базе.

К числу таких проблем относилась и проблема «идеала». Она не была снята. Она только была поставлена на надлежащее место и в надлежащую связь. На основе исследования, проведенного в «Капитале», как раз и совершилось конкретное, материалистическое и притом диалектическое ее решение.

Анализируя анархию частнособственнической организации общественного производства материальной и духовной жизни людей, Маркс установил, что этой организации соответствует и определенный тип личности человека. Доминирующей его чертой неизбежно оказывается профессиональный кретинизм. И вот почему.

С одной стороны, товарно-капиталистическое разделение сфер деятельности (собственности) имеет тенденцию ко все более дробному делению труда между людьми, соответственно и деятельных способностей (которые философия когда-то называла «сущностными силами человека»). И дело вовсе не ограничивается расслоением общества на два основных класса – буржуазию и пролетариат. Разделение деятельности и соответствующих способностей идет и дальше, вглубь и вширь, раскалывая человеческий коллектив все новыми и новыми трещинами: уже не только умственный труд отделяется от физического, но и каждая сфера физического и умственного труда, становясь все уже, все более специализированной, отделяется от другой, замыкается внутри себя.

С другой стороны, система разделения труда в целом ведет себя по отношению к каждому отдельному человеку как чудовищно-гигантский механизм, выжимающий из него максимум деятельной энергии. Этот механизм ненасытно всасывает живой труд, превращая его в «мертвый» труд, в «предметное тело» цивилизации. Предметное, «вещное» богатство выступает здесь целью всего процесса, а живой человек (субъект труда) – лишь «орудием», своеобразным «полуфабрикатом» и «средством» производства и воспроизводства этого богатства. Так уж организована данная система производства, так она сложилась, что все ее органы и механизмы приспособлены к максимально «эффективной» эксплуатации человеческого существа, его деятельных способностей. Одним из наиболее мощных механизмов такой эксплуатации выступает знаменитая «конкуренция» (которую философия когда-то наименовала «войной всех против всех»).

Итак, «большая машина» капиталистического производства приспособливает живого человека к своим требованиям, превращает его в «частичную деталь частичной машины», в «винтик», а затем заставляет этот «винтик» работать на износ, до изнеможения. Но здесь еще не единственная беда буржуазной действительности. Гигантская машина капиталистически организованного производства в каждом своем отдельном узле максимально рациональна. Ряд ее отдельных деталей сделан наилучшим образом и очень точно пригнан к некоторым соседним деталям. Однако только к соседним. В целом же детали, узлы, колеса и рычаги этой «большой машины» соединены друг с другом весьма плохо, весьма приблизительно и уж, во всяком случае, не «рационально». Ибо общая ее конструкция не есть результат целенаправленной, на знании основанной деятельности, а есть результат действия слепых и стихийных сил рынка. Все совершенные детали «большой машины» связаны очень непрочными, к тому же мистически перепутанными веревками и нитками товарно-денежных отношений. И эти нитки то и дело переплетаются между собою, тянут то в одну, то в другую сторону, зачастую рвутся от чрезмерных натяжений. Потому и работает машина неровно, рывками, спазматически. Одни детали лихорадочно движутся в то самое время, когда другие ржавеют в неподвижности. Одни детали выходят из строя из-за перегрузок, другие – из-за ржавчины. А иногда, если переломилась [139] очень уж большая и важная деталь, со скрипом и скрежетом останавливается вся «большая машина»...

В результате значительная доля всего богатства, полученного за счет изнуряющей эксплуатации живого человека, летит на ветер, оказывается лишь штрафом, который рынок взимает с людей за то, что те не могут организовать на основе разумного плана работу производственного механизма в целом. Это колоссальное разбазаривание человеческой деятельности происходит и через кризисы, и через застои, и через войны, и через создание вещей, не только человеку ненужных, но и прямо ему враждебных, – через создание пулеметов и ядерных бомб, идеалистических «наукоучений», комиксов и душегубок, «абстрактных» полотен и наркотиков, разлагающих и душу и тело, и разум и волю живого человека, губящих его жизнь.

Две стороны буржуазной действительности – превращение людей в профессионально ограниченные «винтики» и крайне неэффективная работа всей производственной машины – неразрывны. Одну из них невозможно устранить, не устраняя другую. Нельзя просто перемотировать старые детали в новую, рациональную схему, ибо все эти детали, включая и «живые винтики», конструктивно приспособлены лишь к функционированию внутри капиталистической «большой машины». Тут потребуется переделать еще и сами «винтики». Это было убедительно доказано основоположниками марксизма.

Если механизм товарно-капиталистической организации производства материальной и духовной жизни не может обеспечить рациональное функционирование производительных сил, то, очевидно, надо его заменить другим, не дожидаясь, пока он сломается окончательно сам. Таким новым механизмом может быть только коммунистическое производство, работающее по разумно составленным планам, ритмично и весьма продуктивно. Но в этом случае иные требования предъявляются и к человеку. В новой системе производства оставаться просто «винтиком» уже нельзя. Если человек остается «винтиком», то, естественно, сразу же возникает потребность и в отвертке, с помощью которой его заворачивают на надлежащее место, и в гаечном ключе для закручивания гаек и потому, в конце концов, в мудром механике, который должен применять к живым людям эти нехитрые инструменты. Поэтому коммунистическое преобразование общественных отношений и немыслимо без решительного изменения старого способа разделения труда между людьми, старого способа разделения между ними деятельных способностей, ролей и функций в процессе общественного производства, как материального, так и духовного.

В самом деле, профессиональный кретинизм – это и следствие и условие товарно-капиталистического способа разделения труда, разделения собственности. Клоун, потешающий публику в цирке, вынужден тренировать себя как клоуна почти круглые сутки, не зная отдыха, иначе он не выдержит конкуренции с другими, более усердными клоунами и опустится на ступень ниже, наденет униформу уборщика вместо шутовского колпака с бубенчиками. И если он остается клоуном, он делается *только* клоуном. Ни на что другое у него уже нет ни времени, ни сил. Точно то же буржуазное общество делает и с банкиром, и с высокооплачиваемым лакеем, и с инженером, и с математиком. Капиталистический способ разделения труда не знает и не терпит исключений. Поэтому профессиональный кретинизм и превращается здесь не только в факт, но и в добродетель, в норму, даже в своеобразный идеал, принцип образования личности, соответствовать коему старается каждый, чтобы не погрузиться на самое дно общества, не стать простой, неквалифицированной рабочей силой. Но пролетариату в таком обществе нечего терять, кроме своих цепей. Посему он выступает как основная социальная сила переворота в отношениях собственности, в системе разделения [140] труда. Освобождая себя (и все общество!) от оков частнособственнического способа разделения труда, пролетариат неизбежно рушит и всю пирамиду отношений между людьми, воздвигнутую капитализмом. Профессиональный

кретинизм есть частная собственность на определенные способности. Как разновидность частной собственности на общественно-человеческое богатство, он должен умереть и умирает вместе с самой этой собственностью.

Но что же создается на месте разрушенного? Всесторонне, гармонически развитая личность. Сначала, до революционного переворота, как новый, коммунистический идеал; затем, по мере построения коммунизма, как факт. И происходит это вовсе не потому, что профессиональный кретин – эстетически и нравственно непривлекательное зрелище. Если бы дело было только в этом, то всестороннее и гармоническое развитие человека рисковало бы остаться лишь мечтой, лишь нравственно-эстетическим «идеалом» в смысле Канта и Фихте, которому, увы, противостоит экономический фактор «выгодности и эффективности» сосредоточения всех сил и способностей индивида на узком участке. Однако суть здесь совсем не в эстетике и не в нравственности. Суть в том, что сообщество профессионально ограниченных людей органически неспособно разрешить ту задачу, которую властно поставила перед человечеством экономика, – задачу наладить непосредственно общественное, плано-централизованное управление производительными силами в больших масштабах. Именно это вынуждает каждого человека разломать изнутри скорлупу своей «частной» профессии и активно включиться прежде всего в ту область деятельности, которая при буржуазном разделении труда тоже была «частной собственностью», то есть профессией узкого круга лиц, – в политику.

Первый сигнал к такому включению дает уже социалистическая революция, совершаемая массами ради масс. Освобождение из оков частной собственности есть результат сознательного исторического творчества миллионов трудящихся и не может быть ничем иным. В процессе построения социализма и коммунизма люди изменяют самих себя в той мере, в какой они изменяют окружающие обстоятельства. И начинается это изменение с того, что массы, бывшие до того «в стороне» от политики, становятся непосредственно делающими политику, и чем дальше, тем больше.

К сказанному прибавляется еще одно важнейшее обстоятельство. Превращение производительных сил в общественную (общенародную) собственность – это вовсе не формально-юридический акт, ибо «собственность» не только юридическая категория. Обобществление собственности на средства производства есть также и обобществление *деятельности*, обобществление *труда* по планированию и управлению производительными силами. Социалистически обобществленное производство современных масштабов и размаха – это такой «объект», такой «предмет», который не может охватить в одиночку, своими индивидуальными мозгами отдельный человек, пусть самый что ни на есть гениальный, и даже не может охватить коллективный разум целого учреждения, отгородившегося от масс десятками бюрократических канцелярий и ведомств, хотя бы и вооруженных совершеннейшими электронно-счетными устройствами. Вот почему Маркс, Энгельс и Ленин и настаивали на том, что после социалистического переворота в управление общественным производством должны быть втянуты *все*. Государством должна научиться управлять каждая кухарка, афористически выразил эту необходимость Владимир Ильич, вызвав иронические усмешки буржуазных чистоплюев, тех самых профессиональных кретинизмов, которые считали, что политика – особая профессия, требующая специальных способностей, «прирожденных» талантов и тому подобных качеств. Тем не менее именно Ленин указал на единственный выход. [141]

Разумеется, коммунизм призывает каждую кухарку к управлению государством вовсе не для того, чтобы она делала это по-кухонному, на основе тех навыков, которые в ней

воспитаны среди кастрюль. Кухарка, действительно, а не формально участвующая в управлении общественными делами страны, перестает быть кухаркой. В этом все дело.

И если в самом начале социалистического переворота «профессией» перестает быть политика, превращаясь в дело каждого активного члена общества, то дальше такой процесс затрагивает все более и более широкие области деятельности. На политике он остановиться не может, ибо экономическая политика связана с политической экономией, требуя знания и понимания «Капитала» Маркса и теоретических работ Ленина. Но это, в свою очередь, немисливо, если у человека нет общей культуры. В том числе математической культуры. В том числе философско-логической культуры ума. Ибо «нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля»⁷. А попробуйте понять Гегеля, не обладая общеисторическим образованием, знанием литературы, искусства, истории культуры! Ничего не получится. Это одна цепь. Либо человек вытягивает ее всю, до конца, либо она вырывается у него из рук. На одном конце этой цепи – политика, на другом – математика, вообще наука, философия, искусство. И только человек, овладевший ею, становится действительным, а не номинальным господином над современными производительными силами.

Вот откуда, а вовсе не из эстетических или этических соображений вырос коммунистический идеал Человека. Либо индивидуум превращается в хозяина *всей* созданной человечеством культуры, либо он остается ее рабом, прикованным к тачке своей узкой профессии. Не решая такой задачи, люди не смогут решить и задачи организации разумного планирования и контроля над развитием производства, общества в целом. Это две стороны одной проблемы.

Полное решение ее вовсе не предполагает, как иногда изображают противники коммунизма и марксизма, превращения каждого индивида в некоего универсального гения, занимающегося всем понемногу и ничем в частности. Вовсе нет. Оно предполагает другое: создание для всех без исключения равно реальных условий развития своих способностей в любом направлении. Таких условий, внутри которых каждый мог бы беспрепятственно выходить в процессе своего общего образования на передний край человеческой культуры, на границу уже сделанного и еще не сделанного, уже познанного и еще не познанного, а затем свободно выбирать, на каком участке фронта борьбы с природой ему сосредоточить свои личные усилия: в физике или в технике, в стихосложении или в медицине.

Как видим, «сосредоточение» сил и способностей личности на определенном направлении остается и при коммунизме. Но здесь на каком-либо узком участке сосредоточивает свои силы всесторонне развитый человек, понимающий соседа справа и соседа слева и сознательно кооперирующий с ними свои усилия, а при капитализме – с детства искалеченный, односторонне мыслящий профессионал, видящий действительность только сквозь узкую амбразуру своего дела, имеющий соседом справа и соседом слева точно таких же подслеповатых специалистов.

Нетрудно понять, какое сообщество успешнее продвинется вперед за один и тот же период времени. То, которое напоминает беседу слепого музыканта с глухим живописцем о музыке или о живописи, или то, где собеседники одинаково хорошо видят и слышат, причем один из них занимается больше музыкой, чем живописью, а другой посвящает больше времени живописи, чем музицированию... Два таких человека прекрасно поймут и обогатят друг друга в беседе. Два узких [142] специалиста после долгих пререканий и тщетных попыток договориться станут врагами.

Кроме того, общество, составленное, скажем, из слепого музыканта, глухого живописца и слепо-глухого математика, с неизбежностью потребует посредника-переводчика, который, ничего не понимая ни в музыке, ни в живописи, ни в математике, тем не менее будет «опосредовать» их взаимные отношения, управлять их взаимными делами. Здесь получается нечто вроде простейшей «модели» товарно-капиталистической системы разделения труда. Роль «посредника» в ней играет «профессионал-политик», который сам, как и все другие профессионально ограниченные кретины, является рабом и орудием слепых и стихийных сил Рынка. Потребуется и рабочий, кормящий всех четырех.

Наоборот, простейшую модель коммунистически организованного производства можно построить только из всесторонне развитых личностей. Личностей, каждая из которых действительно владеет всем материальным и духовным богатством, созданным до нее, и потому способна сосредоточивать на том или ином участке фронта борьбы с природой всю мощь общественно-человеческого разума и воли, а не только свою узкопрофессиональную силу, не нуждаясь притом в особом посреднике. В таком идеале человека нет ничего сверхъестественного, ничего утопического. Это просто образ индивидуума, настоятельно требуемый условиями развития современного производства и им соответствующий.

Коммунизм, говорили Маркс и Энгельс на заре коммунистического движения, не «идеал», с которым обязана соотноситься реальная действительность, а действительное движение, разрешающее наличные, сегодняшние противоречия развития производства. И потому истинный коммунистический идеал представляет собой вовсе не заманчивое изображение далекого будущего, а актуальный лозунг сегодняшней борьбы, действенный принцип преобразования мира в интересах человечества. Этот тезис остается глубоко верным и теперь. Коммунизм привлек на свою сторону умы и сердца миллионов людей вовсе не заманчивыми обещаниями прекрасного будущего, а прежде всего тем, что указал, на основе трезвого и беспощадного анализа фактических противоречий, давление которых ощущает каждый живой человек, фактический, практически осуществимый выход из этих противоречий. Сила и привлекательность коммунизма состоит в том, что идеалы здесь сведены к фактам, или, другими словами, выведены из них. «Если не свести... идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление», – подчеркивал В.И. Ленин⁸.

Идеал, если он выступает именно в таком виде, – великая сила. Он помогает людям выбирать среди всех многочисленных и запутанных дорог в будущее самую прямую и короткую, хотя и не всегда самую легкую. Но такова уж «природа человека», созданная тысячелетиями труда, что счастье и свободу индивидуум обретает только в ходе борьбы, в ходе преодоления препятствий. «Ваше представление о счастье?» – спросили как-то Маркса. «Борьба», – коротко ответил он. Разумеется, не борьба ради борьбы. Борьба – это прежде всего труд, преодолевающий упрямое сопротивление естественноприродного материала. Борьба – это революционная деятельность, сметающая с пути труда все «искусственные», то есть обществом воздвигнутые, препятствия. «...Преодоление препятствий само по себе есть деятельное проявление свободы, – писал Маркс в одном из черновиков «Капитала», – самоосуществление, опредмечивание субъекта, а потому реальная свобода, действием которой является труд».

Труд, как показал марксизм, принадлежит к числу самых «естественных» потребностей живого человека. Индивидуум, находящийся в нормальном состоянии здоровья, сил способностей, испытывает [143] естественнейшее стремление к их деятельному проявлению. Каждый испытывал ощущение, когда «руки чешутся» по какому-нибудь делу.

Каждый знает, как утомительно безделье. Но счастье может доставлять человеку лишь нормальная порция труда, а она всегда индивидуальна. Ибо индивидуальны и здоровье, и силы, и способности, и потребность в их реализации. Капитализм превратил труд в несчастье тем, что обезличил его, заставил людей работать свыше индивидуальной меры, когда руки уже не «чешутся», а болят. Единственный путь к превращению трудовой деятельности в первую и высшую потребность, а тем самым в счастье – во всестороннем развитии индивидуума и в сведении к минимуму необходимого труда, что освобождает человеку время для занятий в соответствии со своими склонностями. Идеал коммунизма и тут указывает самый прямой и верный путь. Не случайно в Программе построения коммунизма слова «Труд» и «Счастье» стоят рядом со старой формулой «Свободы, Равенства и Братства», дополняя ее: «Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле *Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье* всех народов»⁹.

Эти слова кратко и обрисовывают идеал коммунизма. И этот идеал понятен каждому по той причине, что в нем содержится все лучшее, что добыло человечество тысячелетиями труда, борьбы и мышления... Он требует человека, *«сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»*¹⁰, ибо только такой человек способен окончательно и навсегда учредить на земле и мир, и счастье, и действительную свободу. И он рождается. В труде, в борьбе, в преодолении всех и всяких препятствий...

Конечно, всем сказанным далеко не исчерпывается решение проблемы идеала в марксистской философии. Да и нельзя исчерпать эту тему в одной статье. Но мы хотели показать ту основу и тот ход мысли, который позволил Марксу впервые в истории не только поставить совершенно по-новому старую философскую проблему идеала, но и решить ее в самой сути. Именно опираясь на марксовы положения, его ученики и последователи разрабатывали и разрабатывают вопрос дальше со всех сторон (а их много!), во всех тонкостях – моральных, эстетических и т.д. И не будь того фундамента, который создал Маркс, не пришлось бы говорить и о том, что строится на нем. Однако это уже другая тема. [144]

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3, с. 31.

² Там же, т. 1, с. 117.

³ Там же, т. 13, с. 6.

⁴ Там же, т. 3, с. 34.

⁵ Там же, с. 37.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 38, с. 171.

⁸ Там же, т. 1, с. 396.

⁹ Материалы XXII съезда КПСС, с. 322.

¹⁰ Там же, с. 411.